

НОЧНОЙ ПРОТОКОЛ

АНДРЕЙ МЕРЗЛИКИН

18+

Андрей Мерзликин

Ночной протокол

«Автор»

2026

Мерзликин А.

Ночной протокол / А. Мерзликин — «Автор», 2026

Веспер-Сити, 2226 год. Над сверкающими башнями корпораций восходит искусственное солнце, а в нижних кварталах льёт чёрный дождь и людей продают по частям. Каждая новая жертва исчезает ровно на семь суток. На восьмое утро полиция находит герметичный контейнер с биомассой — без костей, зубов и имплантов. Единственная улика — фиолетовая помеха на записях камер и таймер, отсчитывающий сто шестьдесят восемь часов. Старший инспектор Марк Северин начинает расследование после сообщения от давно погибшего напарника. След приводит его и инженера Анну Северину в глубины «Мёртвой сети», где человеческая боль стала ценным товаром, а страх — материалом для чудовищного эксперимента. Там их уже ждёт Скульптор. Он не просто убивает. Он изучает надежду, чтобы понять, в какой момент её лучше отнять. Когда на экране загорается 167:59:59, обратный отсчёт начинается. И остановить Ночной протокол невозможно.

© Мерзликин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Андрей Мерзликин

Ночной протокол

Пролог

Нулевая операция

За семь лет до убийства Элиаса Вейна.

На минус девяностом этаже башни «Арк-Синтеза» не существовало времени.

Здесь не было окон, часов и смены освещения. Белые стены испускали ровный стерильный свет, под которым человеческая кожа казалась уже мёртвой. Воздух пах озоном, антисептиком и едкими испарениями охлаждающей жидкости. Скрытые в потолке системы вентиляции работали так тихо, что можно было услышать, как по трубкам капает кровь.

Кап.

Кап.

Кап.

В центре операционного зала лежал человек.

Запястья, локти, колени и шея были зафиксированы магнитными скобами. Под истончённой кожей на висках просвечивали нити диагностических электродов. Над столом висела корона хирургических манипуляторов: десятки сложенных конечностей с лезвиями, пилами, инъекторами и костными захватами.

В документах человека называли Объектом Н-17.

Настоящее имя удалили вместе с гражданским профилем и тюремным делом. Согласно официальному отчёту, три месяца назад он поднял бунт, ворвался в кабинет начальника тюрьмы и убил его, после чего был застрелен охраной. Записи камер подтверждали смерть. Тело опознали по биометрии и отправили на кремацию.

Всё было подделано.

Вместо боевых патронов охрана использовала нейропаралитические заряды. Тело заменили заранее подготовленным трупом, биометрические данные переписали, а записи камер обработал корпоративный вирус. У заключённого не было ни семьи, ни родственников — никто не потребовал выдать останки и не стал задавать вопросы.

Самого Н-17 вывезли из тюрьмы в грузовом контейнере и доставили на минус девяностый этаж живым.

Перед началом операции ему пообещали свободу.

Он поверил.

На стене напротив операционного стола мерцал рекламный экран. Даже здесь, почти в километре под городом, корпоративная система продолжала показывать рекламу.

«АРК-СИНТЕЗ. НОВОЕ ТЕЛО — НОВАЯ ЖИЗНЬ».

Улыбающаяся женщина снимала с лица старую кожу, словно прозрачную маску. Под ней сияло молодое лицо без морщин и пор. Следующий кадр показывал семью над облаками: отец, мать, двое детей и золотой шпиль корпоративной башни на заднем плане.

Семьи у Н-17 не было. Он не умел привязываться к людям — только изучать их слабости. Любая близость рано или поздно превращалась для него в опыт: сколько боли выдержит человек, прежде чем любовь сменится страхом.

— Начинаем регистрацию исходного сознания, — произнесла хирург Лея Морро.

Её голос предательски дрогнул.

Лея коснулась импланта на горле и включила эмоциональный фильтр. Следующие слова прозвучали ровно и безжизненно, будто их произнесла операционная система.

Медицинские линзы вспыхнули холодным светом. По поверхности её зрачков побежали показатели Н-17: пульс, давление, уровень кортизола, проводимость нервных волокон. Заключение следил за ней с неподвижностью хищника, уже выбравшего место для укуса.

Лея боялась его. Знала, сколько людей он убил и что сделал с начальником тюрьмы во время бунта.

Но ещё сильнее она боялась человека, стоявшего за прозрачной перегородкой.

Н-17 мог причинить ей боль.

Адриан Восс мог стереть её имя, забрать тело и положить на соседний операционный стол.

— Сердечная активность стабильна, — продолжила Лея. — Корковая структура функциональна на восемьдесят три процента. Центры эмпатии почти неактивны. Агрессивный контур показывает аномальную пластичность.

— Я вас слышу, — сказал Н-17.

Лея замолчала.

Он не мог повернуть голову, но продолжал следить за ней взглядом.

— Мне обещали снять приговор.

— Его сняли, — ответил голос из-за стекла. — Приговора больше нет. Как и осуждённого.

За прозрачной перегородкой стоял Адриан Восс, основатель и владелец «Арк-Синтеза».

Ему было сто пятьдесят шесть лет.

Молодое лицо выращивали заново каждые пять лет. Печень меняли одиннадцать раз, сердце — четырежды, лёгкие — шесть. Кровь еженедельно прогоняли через нанофильтры, а повреждённые участки мозга постепенно замещали синтетической тканью.

Только глаза оставались прежними.

Бледные, почти бесцветные.

В них уже давно не было ничего человеческого.

— Вы сказали, что я выйду отсюда, — напомнил Н-17.

— Выйдешь.

— Свободным?

Восс приблизился к стеклу.

— Свобода — устаревшее юридическое понятие. Ты получишь нечто более ценное: предназначение.

Под операционным столом стояли герметичные контейнеры. На каждом светилась маркировка подпольной биржи:

ПЕЧЕНЬ. МУЖЧИНА. 24 ГОДА. ДОЛГОВОЙ КОНТРАКТ.

ЛЁГКИЕ. ЖЕНЩИНА. 31 ГОД. НЕЛЕГАЛЬНЫЙ ДОНОР.

КОЖНЫЙ МАТРИКС. ИСТОЧНИК НЕ УКАЗАН.

НЕЙРОННАЯ ТКАНЬ. СЕРИЯ ОТКЛОНЕНА ГОРОДСКИМ БАНКОМ.

В Веспер-Сити человек принадлежал себе лишь до первой просроченной выплаты. Затем банк получал право на его импланты, корпорация — на органы, а подпольные брокеры — на всё остальное.

Нищие продавали годы жизни.

Рабочие закладывали почки.

Матери оформляли кредиты под ещё не родившихся детей.

Богатые покупали молодость по частям.

Восс называл это естественным обменом ресурсами.

Лея взглянула на показатели Н-17.

— Он начал понимать.

— Отлично, — сказал Восс. — Фиксируйте реакцию.

В основании операционного стола открылись тонкие иглы и вошли под ногти заключённого.

Н-17 дёрнулся в фиксаторах.

На экране вспыхнула диаграмма.

— Болевой отклик высокий, — доложил техник Дэниел Кросс. — Страх пока контролируемый.

— Отключите седативный контур, — приказал Восс.

Лея повернулась к нему.

— Без анестезии он может потерять рассудок до завершения интеграции.

— Тогда мы узнаем, на каком этапе рассудок ломается.

— Нейрошок исказит данные.

— Под анестезией мы получим только реакцию нервной ткани. Мне нужен сознательный страх. Объект должен понимать, что с ним происходит, и помнить каждую секунду.

Н-17 перестал бороться с фиксаторами.

— Что вы собираетесь со мной сделать?

Никто не ответил.

Хирургические манипуляторы развернулись над ним.

Первое лезвие коснулось груди.

На стене продолжала улыбаться женщина из рекламы.

«АРК-СИНТЕЗ. БУДУЩЕЕ НАЧИНАЕТСЯ ВНУТРИ ВАС».

Кожа разошлась от горла до живота.

Н-17 закричал.

Показатели на мониторах сорвались вверх. Зрение потемнело, сердце сбилось с ритма — организм попытался спасти его единственным доступным способом: отключить сознание.

Под основанием черепа щёлкнул автоматический инъектор.

В сонную артерию вошёл препарат «Люцид-9» — запрещённый нейростимулятор, разработанный для продлённых военных допросов. Он блокировал защитное торможение мозга, подавлял обморок и возвращал сознание после каждого болевого шока. Сердце поддерживал внешний насос, дыхание — аппаратная диафрагма.

Темнота уже сомкнулась вокруг Н-17, но препарат вырвал его обратно.

Свет операционных ламп вспыхнул с мучительной яркостью. Боль вернулась сразу — без ослабления, без расстояния, до последнего нервного импульса.

— Попытка потери сознания предотвращена, — сообщила операционная система.

Н-17 понял самое страшное: ему не позволят даже спрятаться внутри собственного мозга.

Звукоизоляционные панели сомкнулись вокруг операционного сектора. Крик превратился в низкую вибрацию, от которой по стеклу перед Воссом пошла едва заметная рябь.

Операция продолжалась тридцать девять часов.

Первые шесть часов Н-17 ещё пытался требовать адвоката.

На девятом проклинал Восса, врачей и весь город.

После двенадцатого начал молиться, хотя в тюремной анкете назвал себя атеистом.

На семнадцатом перестал складывать слова в предложения.

На двадцать третьем часу хирургические пилы удалили позвоночник.

Тело не умерло.

Сердце поддерживал внешний насос. Кровь проходила через охлаждающий контур, а нервные импульсы перехватывала операционная система. Н-17 видел собственное раскрытое тело через камеры манипуляторов. Изображение передавалось непосредственно в зрительную кору.

Восс хотел, чтобы он понимал, что с ним делают.

Каждый извлечённый фрагмент сопровождался пояснением:

ПОЗВОНОК L4: УТИЛИЗИРОВАН.

ЛЕВАЯ БЕДРЕННАЯ КОСТЬ: УТИЛИЗИРОВАНА.

ПРАВАЯ ЛОПАТКА: ЗАМЕНЕНА.

БИОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ: НЕ СООТВЕТСТВУЕТ СТАНДАРТАМ ПЕРЕПРОДАЖИ.

Кости заменили тёмным сплавом с памятью формы. Он выдерживал нагрузки, возвращался в исходное состояние после деформации, срастался после переломов и мог изменять геометрию скелета в зависимости от установленного модуля.

Вдоль искусственного позвоночника проложили боевую шину. Она должна была управлять дополнительными конечностями, хирургическими инструментами, инъекторами, углеродными жгутами и системой дистанционного вторжения в нейроимпланты.

В плечевой пояс установили четыре гнезда.

Пустые полости ждали оружия.

— Зачем столько креплений? — спросила Лея.

Она не спала больше суток. Под глазами проступили серые круги, пальцы дрожали внутри тактильных перчаток. Эмоциональный фильтр по-прежнему выравнивал голос, но не мог скрыть страха в её движениях.

— Человеческие руки ограничены анатомией, — ответил Восс. — Нашему оператору потребуется больше возможностей.

— Оператору?

— Вам не нравится слово «палач»?

Лея промолчала.

На двадцать седьмом часу с Н-17 начали снимать кожу.

Сначала с груди.

Потом с рук.

Потом с лица.

Роботизированные зажимы растягивали пласты ткани над прозрачными лотками, пока система оценивала состояние клеток. Непригодные участки отправляли на переработку. Остальные погружали в питательный раствор, чтобы использовать как основу для выращивания новой синтетико-биологической оболочки.

Подкожная система состояла из гибких бронепластин, сенсорных нитей и капсул с ремонтными нанитами. По прозрачным трубкам потекла искусственная кровь — чёрная углеродная взвесь с переносчиками кислорода и микроскопическими механизмами восстановления.

Под светом операционных ламп она блестела, как машинное масло.

Дэниел Кросс отвёл взгляд.

— Впервые видите настоящую модернизацию? — спросил Восс.

Техник кивнул.

— Привыкайте. Через десять лет подобные процедуры будут проводить в обычных клиниках.

— Обычным людям?

Восс улыбнулся.

— Люди не бывают обычными. Они бывают платёжеспособными и бесполезными.

В операционном секторе Н-17 вдруг открыл рот.

Голосовых связок у него уже не было, но динамик нейроинтерфейса ожил:

— Дэниел.

Техник вздрогнул.

— Откуда он знает моё имя?

Лея проверила каналы связи.

— Его нейроинтерфейс подключён только к внутреннему хирургическому контуру. Доступа к кадровой сети нет.

— Дэниел Кросс, — повторил Н-17.

Его новый голос состоял из человеческого шёпота и цифрового треска.

— Тридцать два года. Нижний сектор. Просрочка по медицинскому кредиту — сто восемьдесят шесть дней. В залог внесены сердце и зрительная кора.

На лице техника исчезла кровь.

— Отключите его от сети.

— Он не подключён к внешней сети, — сказала Лея.

На стене погасла реклама.

Через секунду экран включился снова.

Теперь на нём стоял Дэниел. Обнажённый, с раскрытой грудной клеткой. Вместо сердца внутри бился красный индикатор задолженности.

«ВАШЕ ТЕЛО МОЖЕТ ПОГАСИТЬ ДОЛГ».

Дэниел отшатнулся.

Восс больше не улыбался.

— Откуда взялось изображение?

— Я его сделал, — ответил Н-17.

— Каким образом?

Уцелевший глаз повернулся к прозрачной перегородке.

— Я подумал о нём.

Впервые за тридцать часов Восс приблизился к панели аварийного отключения.

Лея заметила это.

И поняла: такого результата он не ожидал.

На тридцать первом часу началась реконструкция мозга.

Повреждённые и считавшиеся ненужными участки извлекали тонкими слоями. На их место вводили синтетические нейронные нити. Они разрастались между живыми клетками, повторяли их структуру, копировали воспоминания и создавали новые соединения.

— Остановите извлечение, — приказал Восс.

Манипуляторы замерли над открытым черепом.

— Почему? — спросила Лея.

— Сохраните островки лимбической системы.

— Центры удовольствия и страха?

— Да.

— Они осложнят управление.

— Машина выполнит приказ. Но она не станет наслаждаться ожиданием. Искусственный интеллект вычислит болевой предел, найдёт оптимальную последовательность и закончит процедуру. Этот человек способен на большее. Он понимает, как заставить жертву надеяться.

— Вы намеренно сохраняете в нём садизм.

— Я превращаю человеческий недостаток в рабочий инструмент.

В основание черепа установили чёрную пластину размером с монету. Она вошла между искусственными позвонками и сомкнулась вокруг боевой шины.

Восс положил ладонь на панель управления.

— Контрольное слово: «Эреб».

На экране появилась красная строка:

АВАРИЙНОЕ ПОДАВЛЕНИЕ АКТИВНО.

— Первое произнесение отключит двигательные центры, — пояснила Лея. — Второе подавит сознание. Третье запустит необратимое разрушение синтетической коры.

— Испытайте.

— Сейчас?

— Именно сейчас.

Восс включил микрофон.

— Эреб.

Тело на столе выгнулось.

Затем двигательные контуры отключились. Мышцы обмякли, дополнительные модули замерли. Пульс сохранился, но нейронная активность упала почти до нуля.

— Видите? — сказал Восс. — Он принадлежит нам.

Н-17 лежал неподвижно.

Однако на погасшем рекламном экране медленно появилась белая надпись:

ПОКА.

Восс смотрел на неё несколько секунд.

— Сотрите запись об этом эпизоде.

— Запись уже повреждена, — сказала Лея. — Последние три минуты отсутствуют.

— Тогда никаких трёх минут не было.

На тридцать шестом часу Н-17 вернули лицо.

Выращенная на основе его клеток оболочка срасталась неровно. Левая половина сохранила человеческие черты: высокий лоб, впалую щёку, бесцветные губы. Справа под полупрозрачной кожей проступали крепления челюсти и тёмные нити искусственных мышц.

Правый глаз заменили многочастотным сенсором.

Левый оставили человеческим.

— Почему только один? — спросила Лея.

— Чтобы жертва видела машину, — ответил Восс, — но до последнего пыталась говорить с человеком.

К завершению операции Н-17 уже не кричал.

Он наблюдал.

Следил за движениями инструментов.

Запоминал лица.

Когда манипуляторы зашили последний разрез, чёрная кровь ещё несколько секунд проступала между краями синтетической кожи. Затем ремонтные наниты сомкнули рану.

На экране появилась надпись:

ИНТЕГРАЦИЯ ЗАВЕРШЕНА.

БИОЛОГИЧЕСКАЯ ДОЛЯ: 34%.

МЕХАНИЧЕСКАЯ ДОЛЯ: 51%.

НЕЙРОСЕТЕВАЯ ДОЛЯ: 15%.

СТАТУС ОБЪЕКТА: ЖИЗНЕСПОСОБЕН.

Операционный стол пришёл в движение. Магнитные фиксаторы втянулись в основание, а хирургическая рама переместила тело Н-17 в вертикальную активационную капсулу.

Прозрачные створки сомкнулись.

Капсула наполнилась регенерационным раствором. Электрические разряды побежали вдоль нового позвоночника. Тело дёрнулось, выгнулось и замерло.

Потом Н-17 открыл глаза.

Из плечевого пояса выдвинулись четыре суставчатые конструкции. Они раскрылись с влажным металлическим щелчком и ударили в стенки капсулы. На бронированном стекле остались глубокие борозды.

Лея отступила.

— Фиксаторы держат?

Дэниел не ответил.

Он смотрел на диагностический экран, где вместо медицинских показателей появлялось одно и то же слово:

ДЭНИЕЛ.

ДЭНИЕЛ.

ДЭНИЕЛ.

— Где я? — спросило существо.

Голос доносился одновременно из встроенного динамика, потолочных систем и личных аудиоимплантов сотрудников.

— В месте, где тебя создали заново, — ответил Восс.

— Вы обещали свободу.

— Мы избавили тебя от оков тела и морали, — ответил Восс. — Каждую ночь тебе будет позволено выходить в город.

Перед капсулой развернулся голографический интерфейс. Над телом существа возникла трёхмерная карта Веспер-Сити.

Бесконечные башни пронзали кислотные облака. Между ними двигались транспортные платформы, рекламные киты и полицейские дроны. На верхних уровнях сияли сады, искусственные моря и частные рассветы. Внизу, под дождём из химических отходов, теснились рабочие кварталы.

Миллионы красных точек обозначали жителей города.

— Кто из них станет объектом? — спросил Н-17.

— Выберешь сам.

Лея резко повернулась к Восу.

— Случайный выбор нарушит исследовательский протокол.

— Напротив. Подготовленная жертва знает, что участвует в эксперименте. Её страх предсказуем. Мне нужен настоящий человек, вырванный из собственной жизни.

— Похищение невозможно скрыть от городской системы.

— Этим займётся юридический отдел. Как только он выберет объект, мы выкупим его долги, медицинские права и посмертный контракт. Если долгов не окажется, создадим их задним числом.

Н-17 смотрел на огни города.

— Ограничения?

— Объект должен оставаться живым сто шестьдесят восемь часов. Всё остальное решишь ты.

— Значит, я могу выбрать любого?

Восс едва заметно улыбнулся.

— Любого.

Красные точки отражались в человеческом глазу существа.

Тысячи улиц.

Миллионы людей.

Столько различных способов причинить боль.

— Тогда это и есть свобода, — произнёс Н-17.

На экране появились правила программы:

НОЧНОЙ ПРОТОКОЛ.

ВЫБОР ОБЪЕКТА.

ИЗОЛЯЦИЯ.

СЕМИСУТОЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.

СБОР НЕЙРОЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ.

ПОЛНАЯ БИОЛОГИЧЕСКАЯ УТИЛИЗАЦИЯ.

Боль, страх и психологический распад должны были передаваться на закрытые серверы «Арк-Синтеза». На основании этих данных корпорация собиралась создавать боевые импланты, системы допроса, нейронные вирусы и персональные симуляции ада.

У каждой пытки был патент.

У каждого крика — рыночная стоимость.

— Почему семь суток? — спросило существо.

— За меньшее время человек не успевает понять, что надежды нет.

Н-17 посмотрел на свои пальцы.

Кожа на кончиках разошлась. Из-под ногтей выдвинулись хирургические иглы, тонкие лезвия и сенсорные нити. Одна из нитей коснулась стекла.

Защитное поле вспыхнуло синим.

Существо улыбнулось.

Лея увидела в этой улыбке остаток человека.

И испугалась его сильнее, чем машины.

— У проекта есть имя? — спросил Н-17.

— Только номер, — ответил Восс.

— Номер принадлежал заключённому.

— А кем считаешь себя ты?

Суставчатые конечности за его спиной медленно развернулись. На конце одной раскрылись хирургические ножницы. Другая заканчивалась прозрачным инъектором, внутри которого шевелилась чёрная жидкость.

— Творцом.

— Творцы создают красоту.

— Красота — это форма, которую принимает чужая боль.

Существо провело лезвием по собственной груди. Синтетическая кожа разошлась, обнажая бронепластины и пульсирующие трубки. Через несколько секунд края раны потянулись друг к другу.

— Я буду исправлять людей, — продолжило оно. — Убирать лишнее. Открывать спрятанное. Придавать им честную форму.

— У тебя будет название, — сказал Восс. — Проект «Морфей».

— Это ваше название.

Человеческий глаз остановился на нём.

— Называйте меня Скульптором.

Восс включил красный индикатор записи.

— Прежде чем отправить тебя в город, необходимо провести испытание.

Боковая дверь открылась.

Два охранных дрона втолкнули в зал мужчину в серой тюремной форме. Тот едва держался на ногах. На его шее мигал долговой ошейник.

— Нет, — прошептал он, увидев капсулу. — Мне сказали, что будет медицинская программа. Обещали списать долг.

Скульптор повернул голову.

— Мне тоже.

Лея посмотрела на Восса.

— Это не входило в протокол.

— Теперь входит.

— Объект ещё нестабилен.

— Поэтому нам и нужен материал.

Заклѳчѳнный бросился к двери.

Ошейник вспыхнул, парализуя мышцы. Мужчина рухнул на пол, но остался в сознании.

Створки капсулы открылись.

Регенерационный раствор хлынул на белые плиты. Скульптор сделал первый шаг. Под синтетической кожей ног прошла волна механических сокращений.

Второй шаг оказался увереннее.

Заклѳчѳнный попытался отползти.

— Пожалуйста, — выдавил он. — Я ничего тебе не сделал.

— Именно поэтому ты ещё надеешься.

Скульптор склонился над ним.

Из плеч раскрылись четыре хирургические конечности. Их тени легли на пол, подобно лапам огромного насекомого.

Восс коснулся панели наблюдения.

— Покажи, на что ты способен.

Скульптор посмотрел на него.

Затем — на красные индикаторы камер.

Свет в лаборатории погас без команды.

На мгновение остался только красный огонёк записи.

В темноте раздался металлический щелчок.

Потом — человеческий крик.

Он оборвался не сразу.

На экранах вспыхнули показатели страха. Цифры стремительно росли, превосходя расчётные пределы. Нейронный поток заполнил основные серверы, захлебнулся в резервных каналах и ушёл в закрытую городскую сеть.

А затем в слуховом импланте Леи прозвучал голос Скульптора:

— Не бойтесь, доктор Морро. Сегодня я учусь на нём.

Красный свет выхватил из темноты его лицо.

— На вас я буду совершенствоваться.

В ту ночь Лея тайно сохранила фрагмент записи нулевой операции. Она спрятала его в повреждённом архивном секторе, куда не заглядывали автоматические системы безопасности.

Через семь лет этот фрагмент обнаружат в мёртвом нейроимпланте Элиаса Вейна.

К тому времени Скульптор уже выйдет из-под контроля.

И Веспер-Сити узнает, что некоторые чудовища не рождаются во тьме.

Их создают при самом ярком свете

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.